

63.3(2 Рос. Тува)4

к-97

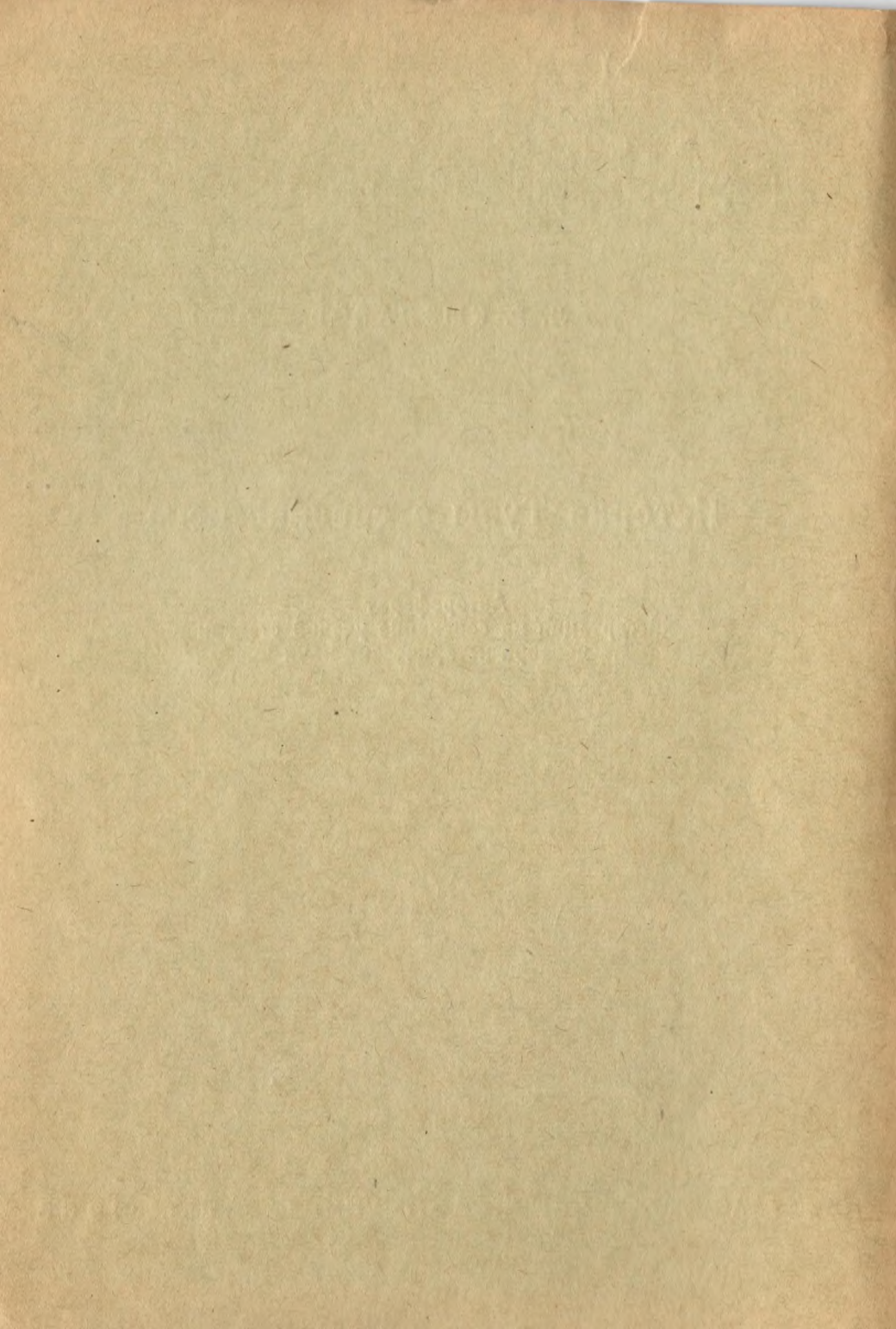

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

История Тувы в средние века

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1966

Кафедра археологии

Варгасу В. А. Бутанаяву
дружески

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

Л. Р. Кизласов

3. I. 1964г.

История Тувы в средние века

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

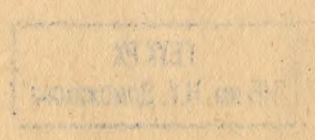
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1966

Защита диссертации состоится

_____ 1966 г.

при Ученом совете исторического факультета МГУ

Задача создания научной истории народов нашей многонациональной страны есть почетная обязанность советских историков. Историческое прошлое каждого советского народа составляет неотъемлемую часть истории великого содружества братских советских народов, часть истории нашей социалистической Родины. В особенности важной задачей является воссоздание истории тех народов, которые до недавнего времени не имели своей письменности, не имели ни книг, ни писаной истории.

К таким народам относится тувинский народ, проживающий в центре Азиатского материка, на южной окраине Сибири, в основном в бассейне Верхнего Енисея. Тувинская АССР самая молодая автономная республика среди советских республик, так как добровольное вхождение Тувы в состав СССР произошло в октябре 1944 г. Только после этого оказалось возможным начать археологическое исследование территории этой страны с целью получения полноценных источников для воссоздания ее прошлого, для создания истории тувинского народа.

Автор реферируемого труда начал свою работу по изучению древней и средневековой истории Тувы с участия в разведочной археологической экспедиции 1946—1947 гг., которой руководил профессор С. В. Киселев. В последующие годы, после подготовительных работ, была организована многолетняя Тувинская археологическая экспедиция Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, которая, под руководством автора, в течение семи полевых сезонов (1955—1960, 1962 гг.) исследовала разновременные памятники центральных, северных и отчасти западных и южных районов Тувы.

Основной задачей нашей экспедиции являлась подготовка материалов для воссоздания научной истории Тувы и тувинского народа. Изучив историю археологических исследований Тувы, а также все немногочисленные имевшиеся материалы по архивным данным и музейным коллекциям (особенно результаты работ экспедиций А. В. Адрианова в 1915—1916 гг. и С. А. Теплоухова в 1926—1927 и 1929 гг.), экспедиция продолжила изучение археологических памятников Тувы. Особое место заняли исследования средневековых оседлых земледельческих поселений, крепостей и городов, количество и датировка которых оставались до того неизвестными.

В результате планомерных работ, экспедицией были получены

многочисленные ценные археологические данные, относящиеся к различным эпохам. На этой основе была создана первая классификация археологических культур Тувы с древнейших времен до культуры современных тувинцев. Изучение археологических источников, в сопоставлении с известными письменными, позволило ныне создать не только периодизацию древней истории, но и предлагаемый опыт научной истории Тувы в средневековый период. При этом были учтены все опубликованные материалы, полученные в результате работ в Туве смежных экспедиций Института этнографии АН СССР (руководитель Л. П. Потапов) и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (руководитель М. Х. Маннай-оол). При скудости письменных источников ясно, что без приведенных в систему археологических фактов нельзя восстановить даже общие закономерности исторического процесса, протекавшего в Туве в средневековый период. Поэтому в сущности отсутствует историография этого периода истории Тувы. В старой литературе отдельные, мало связанные друг с другом факты из письменных источников, упомянутые на фоне истории всей Центральной Азии, собраны во втором томе монографии Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии».

В этой устаревшей книге, написанной с позиций буржуазной науки и подвергнутой справедливой критике со стороны советских исследователей за немарксистскую основу исторической концепции, в сущности нет истории Тувы. Об этом пишет сам автор: «На территориях собственно Западной Монголии и верхнего Енисея по вышеуказанной причине мне приходилось останавливаться сравнительно редко; возникавшие в Средней Азии государства и волны передвигавшихся кочевников только захватывали их». Далее прибавлен откровенно пессимистический, свойственный буржуазным исследователям, прогноз на будущее: «Что касается ее (Алтайско-Саянской — Л. К.) истории, то она должна считаться навеки утраченной».

Всего несколько лет тому назад, в 1958 г., историку Тувы профессору В. И. Дулову в статье «О некоторых итогах и задачах изучения истории Тувы» пришлось писать: «Белым пятном тувинской истории остается средневековье. Это белое пятно надо в ближайшие годы ликвидировать».

Только успехи советской археологической науки последних лет, при содействии смежных научных дисциплин, позволили создать первую научно-популярную «Историю Тувы» (т. I—II, М., «Наука», 1964). Ряд глав и разделов по средневековому периоду создан автором настоящего реферата. Со времени написания этой книги получено много нового материала, вышли новые работы и публикации, позволившие значительно расширить и углубить наши знания, позволившие создать предлагаемую научную монографию по истории Тувы в средние века (VI—XV вв.).

Реферируемое сочинение состоит из предисловия, пяти глав и заключения. В первой главе излагается современное состояние изучения средневековой истории Тувы. Небольшому разделу по историографии в ней предпослана краткая история археологического изучения этой страны, составленная впервые. Оказалось, что первые сведения об археологических памятниках Тувы относятся к началу XVII в., ибо наблюдательные русские послы В. Тюменец и И. Петров, проезжая в 1616 г. к западномонгольскому Алтынхану, описали руины средневековых крепостей и зданий западной Тувы.

В XVIII в. изучением некоторых наземных памятников занималась Красноярская воеводская канцелярия, посылавшая за Саяны ряд казачьих экспедиций. С собранными материалами оказались ознакомленными все ученые, непосредственно изучавшие в то время историю и древности Сибири (Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин). Г. Ф. Миллер в 1747 г. впервые опубликовал рисунок археологического памятника Тувы — буддийской ниши при устье р. Чаа-Холь.

После захвата территории Тувы в середине XVIII в. маньчжурскими завоевателями сбор материалов об археологических памятниках прекратился на 140 лет и возобновился русскими путешественниками лишь в 70—80-х годах XIX в. В работе детально рассказано о длительном периоде сбора новых материалов в конце XIX — начале XX в., за время существования Тувинской народной республики (1921—1944 гг.) и в советский период.

Всю историю археологического изучения Тувы можно разделить на 4 этапа: 1) период раннего ознакомления с наземными памятниками (1616—1752 гг.), в конце которого появляются их первые публикации (Г. Ф. Миллер, 1747 г.); 2) период сбора и изучения памятников енисейской письменности, сбора археологических фактов (1877—1918 гг.), когда в Туве появились первые археологи (Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов, И. Р. Аспелин, А. О. Гейкель) и были произведены первые научные раскопки курганов А. В. Адриановым в 1915—1916 гг.; 3) период Тувинской народной республики, когда работала советская экспедиция С. А. Теплоухова и начал свои сборы возникший в Кызыле краеведческий музей; 4) современный период, начавшийся со времени Всесоюзного археологического совещания 1945 г., когда были развернуты обширные разведки и раскопки разновременных памятников, появилась первая классификация культур и первые обобщающие работы по древней и средневековой истории Тувы, основанные как на письменных, так и на археологических источниках.

Каждая из последующих глав работы соответствует определенному периоду в истории средневековой Тувы. Все вместе они раскрывают поступательный ход исторического процесса. Если в

начале исследуемого тысячелетия в Туве и на соседних территориях возникает первое государство, так называемый тюркский каганат (VI—VIII вв.), внутри которого начинают складываться феодальные отношения, то дальнейшее развитие феодальных отношений не было задержано сменой правящих племен, создавших уйгурский каганат (VIII—IX вв.) и древнехакасское государство (IX—XII вв.), и нашло свое завершение в монгольский период истории Тувы (XIII—XV вв.).

При написании этих глав были привлечены не только известные, но и некоторые новые письменные источники.

Однако полностью они были поняты лишь благодаря полученным в достаточном количестве археологическим источникам, без которых нельзя было выявить ни основных закономерностей, ни деталей исследуемых явлений. Это оказалось возможным лишь благодаря классификации всех изученных археологических памятников и тщательной их датировки в особенности — материалов с поселений, из крепостей и городищ.

* *

*

В период тюркского каганата, после покорения алтайскими тюрками в 555 г. родственных им племен Тувы, здесь появились совершенно новые археологические памятники, не встречавшиеся в предшествующее время. Это присущие для алтайских тюрков погребальные сооружения в виде каменных курганов с погребениями по обряду трупоположения с конем и специальные поминальные сооружения в виде квадратных оградок из плит и камней, иногда с каменными фигурами людей и со столбиками — балбалами из простых камней, врытых в ряд. Распространение таких памятников в Туве подтверждает ее завоевание алтайскими тюрками и их расселение в этой стране в VI—VIII вв.

Под тюркскими курганами VII—VIII вв. в Туве, как и на Алтае, погребенные лежат в могильных ямах вытянуто на спине головой на север или северо-восток, а рядом положены их верховые лошади головой в обратную сторону. При скелетах людей ставилась заупокойная пища (в деревянных блюдах, реже в железном котле или глиняном сосуде), ножи, деревянные сосудики для питья. Иногда рассыпаны зерна проса или положены куски задней части туши овцы. С воинами клали сложные луки «тюркского» типа с роговыми накладками и берестяные колчаны, наполненные стрелами с трехлопастными наконечниками и костяными свистульками. Иногда находят остатки сабель, орудия труда (топоры, тесла, оселки, жернов ручной мельницы из гранита, деревянные лопаты и т. п.) или предметы быта (шилья, гребни, приборы для высверливания огня, посохи, шелковые и меховые мешочки с амулетами и туалетными принадлежностями). Судя по остаткам, одежда шилась из шерстяных тканей, кожи, меха, войлока и ред-

ко из шелка. У мужчин встречаются наборные пояса из бронзовых пряжек, бляшек, обойм, наконечников и боковых подвесок раннего типа. У мужчин и женщин найдены серьги из золота и бронзы, а также обломки танских зеркал.

Без верхового коня немыслима жизнь кочевника. Тюрки не представляли себя без коня и «загробной жизни». Поэтому лошадей убивали и клали в могилы в полном снаряжении: в узде и сбруе (ремни которых украшались иногда набором золотых и серебряных бляшек), с надетым седлом, притянутым подпругой, и со стремянами. Все мужчины, женщины и дети (за исключением младенцев) погребались с лошадью или жеребенком. Только малым детям иногда на место коня клали барана.

Иными по обряду были погребения местных племен. Они также совершались под округлыми каменными насыпями в ямах, но без коней. Одиночные скелеты лежат по старой местной традиции скорченно на правом боку головой на северо-запад. Женщины хоронились без оружия и конского снаряжения, одетыми в войлочные халаты с наборным поясом из бронзовых бляшек, с сережками и обломками танских зеркал. Мужчинам клали седло со стремянами и узду, берестяные колчаны со стрелами и т. п. Укладывались куски мясной пищи — баранины, а также питье в берестяных туесах или глиняных сосудах.

Предметы из обеих групп погребений VI—VIII вв. (тюрков и местных) идентичны, что свидетельствует об одновременности памятников обеих этнических групп. Многие черты этих памятников находят закономерные связи с предшествующей гунно-сарматской эпохой, ибо материальная культура племен Тувы и Алтая VI—VIII вв. выросла на почве культуры предшествующего времени.

Упомянем также переходные памятники — поминальные каменные курганы V—VI вв., хранящие еще традиции шурмакских поминальных курганов II—V вв. Далее в работе подробно исследуются древнетюркские поминальные ограды VI—VIII вв.

В Туве сейчас известно 220 квадратных (редко прямоугольных) оградок из каменных плит, большинство которых (81%) ориентированы сторонами по странам света, реже (19%) — углами. Обычно они расположены одиночно или рядами (по линии север — юг или северо-восток — юго-запад), но не связаны с расположением синхронных курганов. Различаются пять видов этих поминальных сооружений: 1) оградки без дополнительных устройств (32% от числа известных); 2) оградки, у которых с восточной стороны вертикально врыта простая плита или валун («главная» плита — 25%); 3) оградки, «главные» плиты которых имеют приданную им схематическую форму фигуры человека или выбитое примитивное лицо человека; 4) оградки, с восточной стороны которых установлены целые фигуры людей и 5) редкие оградки, возле которых стоят вместе и «главная» плита и фигура человека. Таким образом, у 43% оградок стояло 96 каменных фигур человека. При этом у оградок всех типов (кроме первого) до-

полнительно встречаются ряды простых каменных столбиков — балбалов.

Из анализа данных видно, что некоторым умершим тюркам устраивалась только оградка и тогда дух умершего «присутствовал» на поминках, вероятно, в виде куклы, подобной «тулу» современных киргизов. Кстати, тулы упоминаются в тюркских рунических надписях из долины Таласа.

В других случаях (виды 2 и 3) каменные плиты, символизировавшие умершего во время поминок, по-видимому, облачались собственной одеждой умершего подобно поминальным куклам казахов, деревянным столбикам или каменным плитам на поминках у чувашей. Целые фигуры людей представляли на поминках, вероятно, без дополнительных убранств.

Раскопки 37 оградок в Туве подтвердили их поминальный характер и показали, что содержание и назначение их тождественно древнетюркским оградкам, раскопанным на Алтае, в Восточном и Центральном Казахстане, а также на Тянь-Шане. Никаких погребений в них нет. После окончания обряда жертвоприношений умершему, в оградку переносили часть углей и золы от жертвенного костра, забрасывали остатки поминок (кости животных, старый туес из-под питья и т. п.), а также жертвовали иногда изношенные или сломанные предметы вооружения и быта, типичные для тюрков VI—VIII вв.

Наконец, в Туве известны четыре сложных поминальных сооружений высшей знати восточных тюрков. В плане это подчетырехугольной формы земляные валы с ровиками вокруг, вытянутые с запада на восток. Внутри находится насыпь, иногда с каменной оградой. Есть и каменные фигуры людей, львов и столбики — балбалы с восточной стороны. В раскопанном сооружении в Сарыг-Булуне, оказалась сожженная поминальная деревянная юрта с теми же остатками поминок, что и в рядовых оградках (кости животных и предметы), а также с согдийским кувшином из-под вина. Наличие обычая сжигать поминальные юрты знати подтверждает ат-Табари, сообщая под 738 г., что после убийства тюркешского кагана Курсула «тюрки привезли его шатры и сожгли их и порезали уши свои».

На 1962 г. мне известны в Туве 102 каменных фигуры людей VI—VIII вв. Ввиду особой важности этих памятников искусства и культа древних тюрков, в работе проанализированы все письменные, эпиграфические и археологические источники, а также данные этнографии, имеющие прямое отношение к этим фигурам. В результате выяснилось, что каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев. Поэтому они всегда первоначально ставились возле поминальных оградок. Такое каменное изображение умершего предназначалось для замены погребенного на его поминках, то есть оно должно было быть «вместилищем» одной из душ умершего, которая «принимала участие» в поминальном пир-

шестве. Таким образом, это памятники, связанные с развитым культом предков, о котором для древних тюрков мы имеем и другие сведения.

Ввиду того что в литературе иногда эти человеческие фигуры ошибочно отождествляются с термином «балбал» из древнетюркских надписей VIII в., то нами рассмотрен и этот вопрос. Оказалось, что древнетюркский термин «балбал» означал вертикально врытый у поминального сооружения камень, символизировавший собою убитого врага и не имевший никакой обработки. Нет никаких фактов для того, чтобы связывать древнетюркские изваяния людей с термином балбал. Таким образом, изваяния людей и балбалы-столбики имели различное назначение в поминальном обряде.

Что касается памятников древнетюркской письменности, то в Туве пока не обнаружено ни одной надписи VI—VIII вв., хотя общеизвестно, что древние тюрки имели свою письменность на орхонском алфавите. Все известные в Туве каменные стелы имеют надписи на енисейском алфавите и относятся к более позднему времени. В период VI—VIII вв. у древних племен, создавших тюркские каганаты, вообще не было обычая устанавливать вертикальные стелы с надписями.

На всей бывшей территории I тюркского каганата (552—630 гг.), от Каспийского моря до Ордоса и от Алтая до Тянь-Шаня, нет таких памятников. Лишь в период II восточно-тюркского каганата (682—745 гг.) орхонские тюрки заимствовали установку вертикальных стел с надписями, которые ставились при поминальных сооружениях наиболее прославленных древнетюркских полководцев. Известно всего 5 таких памятников, относящихся к 20—30-м годам VIII в. В Туве еще не выявлены также и наскальные рисунки древнетюркского периода.

Тюрки-тугу и местные племена Тувы VI—VIII вв. имели комплексное хозяйство, как и в предыдущее время, но с большей специализацией отдельных его отраслей. Основой хозяйственной деятельности было экстенсивное кочевое скотоводство. Основные средства производства — земля (пастбища и пашни) и скот уже находились в частной собственности отдельных семейств. Лошади и овцы преобладали в составе стада. Это наиболее ценные для кочевников животные, приспособленные к жизни на подножном корму в течение круглого года. Лошади по экстерьеру были близки современным низкорослым, но выносливым лошадам монгольской породы. Они использовались под верховую езду и под перевозку грузов вьюками, а также поставляли человеку мясо, кожу, волос для арканов и молоко для кумыса. Лошадь была залогом благополучия для кочевника и поэтому тюрки не мыслили себе человека без коня и в загробном мире, укладывая с умершим в могилу его верховых, а иногда и вьючных, лошадей. Тюрки для перевозки грузов употребляли телеги, в том числе и телеги с вой-

лочными кибитками, являвшиеся передвижными жилищами, а также они имели двухколесные беговые коляски.

Овца, наряду с лошадью, была основным богатством кочевников. Она поставляла: мясо, овчины; шерсть для производства тканей, войлока и фетра; молоко, из которого изготовлялись масло, сыры и другие продукты. Для пищи наиболее ценилась задняя часть туши (крестец и курдюк). Овцы преобладали грубошерстные, курдючные, хорошо переносившие зимний недостаток кормов. Лошади и овцы являлись также основными жертвенными животными.

Часть населения Тувы вела оседлый и полуоседлый образ жизни и занималась земледелием, специализируясь на производстве сельскохозяйственных продуктов. Свидетельством тому являются найденные в Туве и на Алтае гранитные жернова ручных мельниц, положенные умершим тюркским женщинам и остатки зерен проса в мужских могилах. Из пахенных орудий, очевидно, применялись деревянные плуги с железными сошниками, типа андазына современных тувинцев и алтайцев. Из письменных источников известно, что в VII—VIII вв. часть тюрок занималась земледелием. Об этом говорит и наличие сельскохозяйственных терминов в древнетюркском языке.

Оседлость подтверждается найденной нами в поминальном памятнике в Эрзине деревянной юртой столбовой конструкции. Такие юрты, конечно, стояли в постоянных поселениях.

Данные об оседлости и занятии земледелием части населения тюркских каганатов VI—VIII вв. подтверждают положение К. Маркса: «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить *общее* взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»¹.

Население Тувы этого периода занималось также охотой, рыболовством и собиранием съедобных корней, но особенно специализировались в этих отраслях хозяйства племена горно-таежной зоны, которые назывались дубо и в VI—VIII вв. были уже тюркоязычными.

В этот период времени большое развитие в Туве получили горное дело, металлургия и ремесло. Тюрки славились как рудокопы, металлурги и кузнецы. Они вели торговлю железом. Кроме того, добывались медь, золото, серебро и олово. При господстве в основном натурального хозяйства, когда значительную роль играло домашнее производство, имела и ремесленная специализация (резчики по кости, каменотесы, литейщики-ювелиры и кузнецы, скульпторы и строители). Горным делом и металлургией промышляли специализированные родовые группы.

Развился межплеменной обмен и торговля, в том числе и торговля с другими странами. Торговали скотом (лошади, овцы, вер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 488.

блюды), железом, пушниной, шерстью и рабами. В ответ получали спирт, шелка и другие предметы роскоши (зеркала, золотые ювелирные изделия из золота и серебра и т. п.).

Население Тувы в VI—VIII вв. жило в войлочных юртах и палатках, а в оседлых аалах жилищем служили деревянные восьмигранные юрты. В горной тайге жили в шалахах из травы и, очевидно, в чумах. Одежду носили длиннополую из шкур и меха (шубы), войлока и шерстяной ткани (халаты) и подпоясывали ремнем или наборным поясом. Летние халаты не имели ворота, а зимняя одежда имела воротники с двумя отворотами на груди. Запахивалась одежда на правую или реже на левую сторону. Носились (внакидку) и кафтаны с узкими рукавами, а также нагрудники. Имелись шелковые одежды, а также крытые шелком войлочные халаты и шубы.

Мужчины заплетали волосы в косу, подобно жуань-жуаням и уйгурам, и носили серьги. В религиозном отношении население было шаманистским и верило в духов. Основными божествами были: синее небо (Кок тенгри), дух земли и воды (Йер-су) и Умай-покровительница детей и плодородия.

Большое значение имели культы неба, гор, огня и культ мужских предков. Известны пережитки тотемизма.

Местным населением Тувы в VI—VIII вв., кроме дубо, были племена чиков и азов, сведения о которых имеются в древнетюркских, уйгурских и в мусульманских источниках. Азы жили в горах на стыке Западного Саяна и Алтая, в высокогорных степях юго-восточного Алтая, а также на Алашском плато в районе Кара-Холя. Азы разводили хороших лошадей. Они управлялись эльтебером — племенным вождём и входили в союз тюргешей, которые имели в их земле своего наместника-тутука. После разгрома тюргешей в 711 г. на Черном Иртыше, тюрки дали азам новое управление.

Очевидно азы были одним из тюркешских племен, ибо в середине VIII в. тюркеши делились на два племени — тухси и аз. В конце VII — начале VIII в. северо-восточная граница государства тюркешей проходила по Черному Иртышу и юго-западным отрогам Алтая, и земля азов находилась под тюркешским протекторатом. Очевидно, что азы были тюркоязычными, но возможно ранее они говорили на языке иной группы.

Потомки азов и тюркешей сохранились среди юго-восточных алтайцев (роды: торт ас у телеутов, тиргеш у тубаларов, байлагас у алтай-кижи).

Чики жили между верховьями рек Абакана и Каа-Хема, т. е. на Западном Саяне и в Центральной Туве. Они были завоеваны тюрками-тугю в 555 г., когда территория Тувы вошла в тюркский каганат. Тюркоязычность чиков подтверждается преданием о их родстве с тугю. Из других источников выясняется, что чики были родственны телэским племенам и прежде всего карлукам, которые также считались родственниками тюрков-тугю и происходили с Ал-

тая. Среди карлуков было племя чигиль, наиболее родственное чикам Тувы. Эти чигили жили южнее чиков, по соседству с ними, т. к. они занимали самые северные области карлукского государства.

Язык чиков был наиболее близок карлукскому, ибо, попав в IX—X вв. под власть древних хакасов, они стали их кыштымами, о которых источник X в. Худуд ал-Алам сообщает, что «они являются племенем отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков».

Потомки чиков сохранились среди алтайцев (роды: чыгат у тубаларов и чигандык у алтай-кижи). Вероятно чиками оставлены погребения без коня местного характера и переходные поминальные курганы. Так как эти памятники обнаруживают генетическую связь с курганами предшествующей шурмакской культуры, то следует заключить, что в Туве в период II в. до н. э. — V в. н. э. проживало тюркоязычное население и прежде всего предки чиков VI—VIII вв.

Расселявшиеся в Туве тюрки-тугию, оставившие погребения с лошадьми, сохранились среди современных алтайцев и тувинцев, в виде родов телес и тюлюш. От телэ сохранилась современная тувинская группа телек, а племена дубо дали общее название туба или тува для всего населения этой страны.

Таким образом, в VI—VIII вв. территорию Тувы населяли только тюркоязычные племена и свидетельств об иноязычных группах источники не содержат.

В 555—629 гг. Тува входила в территорию I тюркского каганата. В 629 г. она была захвачена телэским племенем сйеянто, а в начале 30-х годов VII в. вновь попала под власть тюрков-тугию под водительством алтайского Чеби-кагана. Власть Чеби над захваченными чиками и карлуками продолжалась до 650 г. С 650 по 709 г. племена Тувы были свободны и, возглавляемые чиками, стали врагами восточных тюрков-тугию, которые воссоздали свое государство — II тюркский каганат (682—745 гг.) с центром на р. Орхоне.

Тюрки-тугию вновь стали хозяевами Тувы, разгромив в 709 г. чиков и затем, подавив восстание азов в 715 г. после жестокого сражения при оз. Кара-Холь. До 745 г. территория Тувы входила в состав II тюркского каганата.

В период «государства чиков» и тюркского каганата на территории Тувы начинают складываться феодальные производственные отношения. Собственность на землю (кочевья, пастбища и пашни) находилась у аристократической верхушки тюркского каганата и прежде всего в руках самого кагана, его семейства и рода. Как сообщают источники, каждый вождь-бег родоплеменной группы «имеет свой участок земли», а в личной собственности кагана находился весь район хребта Монгольский Алтай. В борьбе за хорошие земли каганы часто воевали с соседними государствами. Завоеванные земли, в том числе и в Туве, раздавались тарха-

нам и бегам, а покоренные народы обкладывались тяжелой податью. Внутри тюркского каганата податями и повинностями (воинской, ямской и др.) в пользу государства было обложено все рядовое население. Кроме того, зависимое население вносило повинности своим феодалам.

Новым феодальным отношениям понадобилась новая идеологическая обработка рядового населения. Поэтому каганы старались заменить шаманизм буддийским учением, более отвечающим феодальному способу производства. Наряду со складывающимися феодальными отношениями, в общественной жизни VI—VIII вв. значительное место занимал и рабовладельческий уклад, ибо бесчисленные войны позволяли обращать массы военнопленных в рабов. Из обычного права тюрок видно, что в рабство обращались за различные провинности и сами тюрки. Но основными производителями были рядовые скотоводы и земледельцы, все больше попадавшие в зависимость от своих феодалов.

Период пребывания племен Тувы в государстве восточных тюрок отмечен прогрессивными изменениями, обусловленными поступательным развитием исторического процесса: сложилось классовое общество, возникло государство, появилась письменность, начался процесс сложения феодальных отношений, к которым племена Тувы перешли непосредственно из первобытнообщинной формации.

Все это создало новый простор для развития производительных сил и ускорения исторического развития населения Тувы того времени.

*

* *

Уйгуры, один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, происходили из группы племен телэ и особенно усилились в начале VIII в., когда II тюркский каганат переживал глубокий кризис. Возглавив коалицию восставших племен Центральной Азии, уйгуры разгромили древнетюркское государство и создали на территории от Алтая до Хингана свой уйгурский каганат (745—840 гг.).

Территория Тувы была завоевана уйгурами в 750—751 гг. Для этого им пришлось воевать с местными племенами, освободившимися от тюркского владычества в 745 г. Во главе их вновь находились чики, заключившие союз со своими соседями древними хакасами, жившими к северу от Саянского хребта, и с карлуками, кочевавшими между Иртышом и оз. Балхаш. В жестокой полугодовой войне уйгуры подавили чиков, разбили посланные на помощь древнехакасские летучие отряды и разгромили в верховьях Иртыша карлукское войско. Так начался уйгурский период в истории Тувы (751—840 гг.).

Тува и часть современной западной Монголии стали северо-западной окраиной уйгурского государства. Обладание этими землями позволяло уйгурам обезопасить себя от нападения сильных соседей: древних хакасов, алтайских тюрок и карлуков. Для укрепления в Туве, уйгуры построили целую систему крепостей и длинных стен, укрепили их охранными гарнизонами и создали систему управления завоеванным населением.

Для управления Тувой уйгурский каган поставил военного наместника с титулом тутук. Тутуку подчинялись управители отдельных районов-ышбары, а также тарханы-сборщики дани. Эта военно-административная верхушка опиралась на уйгурские гарнизоны.

Краткие сообщения письменных источников значительно конкретизируются благодаря источникам археологическим. В уйгурское время в Туве впервые появились монументальные архитектурные сооружения. Ныне известно 15 городищ и крепостей, расположенных дугой по долинам Хемчика и Улуг-Хема. Между городищами сохранились отрезки общей длинной глинобитной стены со рвом с северной стороны. Так возникла мощная оборонительная линия, прикрывшая северную границу уйгурского государства от вторжения воинственных древних хакасов и алтайцев.

Стены крепостей, иногда имевших округлые башни, были сложены из сырцового кирпича или из битой глины. Они обнесены глубокими рвами, некогда наполненными водой. Некоторые из городищ были административными центрами, имели цитадели и на них обнаружены остатки богатых столбовых зданий, крытых черепицей.

Городища были центрами оседлости, земледелия, ремесла и торговли. Раскопки на них выявили остатки каркасных зданий, длинных помещений казарменного типа и полуземлянок. Обнаружены железные шлаки — свидетельство металлургического производства, обломки зернотерок и жернова ручных мельниц, а также железный отвал сложного плуга — свидетельства занятия населения земледелием. Остатки сосудов, сделанных на круге, позволяют заключить, что в городах жили ремесленники-гончары, а находки пряслиц говорят о домашнем ткачестве.

Археологическое исследование погребальных сооружений VIII—IX вв. позволило выделить четыре этнические группы населения, совместно проживавшие в Туве в уйгурский период. Каждая этническая группа четко отделилась, благодаря наличию присущих ей палеоэтнографических особенностей в устройстве погребальных сооружений и в деталях погребального обряда.

I. Погребения в катакомбах или ямах под земляными курганами оставлены уйгурами. Их кладбища расположены возле крепостей. Они резко отличаются от местных погребений. Скелеты находятся вытянуто на спине на досках или в берестяных гробах. Преобладает северная ориентировка. Сосуды как лепные, так и вазы, сделанные на круге, те же, что и найденные в крепостях.

Встречены железные и медные котлы, деревянные сосуды и ножи возле остатков мясной пищи (у костей овец, коз и быков).

С женщинами и детьми клали пряслица, игольники, ожерелья из стеклянных и каменных бус, раковин, косточек мелких зверей и клыков медведя. Младенцев захоранивали в колыбелях общетюркского типа с мочеотводными трубками из бараньих костей. С оружием погребали лишь избранных мужчин. Найдены остатки боевых луков «гуннского» типа с роговыми накладками и наконечниками стрел из железа и кости. Конского снаряжения нет.

От одежд сохранились обрывки шелковых и шерстяных тканей, бронзовые и железные поясные пряжки. Погребенные относятся к брахикранным европеоидам с монголоидной примесью. Под насыпями уйгурских курганов находятся поминальные жертвенники из каменных плиток, на которые в костер бросали пищу и возливали питье. На поминках потреблялось мясо овец, быков, жеребят и лошадей.

В работе подробно рассмотрены все категории инвентаря из уйгурских курганов в сравнительном плане и установлена его датировка. Выявлены глубокие центрально-азиатские корни уйгурской культуры, сходство ее с курыканской на оз. Байкал, а также некоторое влияние согдийской культуры Средней Азии, особенно в строительном деле.

Преобладающим в численном отношении населением Тувы были местные племена, среди памятников которых археологически выделяются три группы.

II. Потомки восточных тюрков, живших в Туве в предшествующий период, оставили после себя каменные курганы с погребениями в ямах по обряду трупоположения с конем. Подобно тюркам VIII—IX вв. на Алтае, в Монголии, Казахстане и в Киргизии, тюрки Тувы человека теперь клали головой на восток или юго-восток при обратной ориентации лошадей. Коней клали в полном снаряжении: в узде и сбруе (иногда с набором золотых и бронзовых бляшек), с арочным седлом, притянутым подпругой, и со стременами. У голов людей укладывали мясо овец или ставили железный котел. Воинов сопровождал сложный лук «тюркского» типа с роговыми накладками и берестяной колчан, украшенный резными костяными пластинками и наполненный стрелами с трехлопастными или трехгранными наконечниками с костяными свистульками. Находятся также ножи, кинжалы и топоры-тесла.

Встречены обрывки войлока и кожи от халатов, шелка и шерстяных тканей от рубах и штанов. Часто находят наборные пояса с бронзовыми пряжками и бляшками или с золотыми бляшками и железными пряжками, а также шелковые сумочки. В мужских погребениях встречаются золотые и бронзовые серьги, гребни, черный лак и танские зеркала. Антропологический тип — смешанный европеоидно-монголоидный.

Следующие две группы памятников оставили тюркоязычные чики и другие местные жители. Это могилы под каменными кур-

ганами с одиночными трупоположениями в ямах, хранящие традиции могил местных жителей предшествующего времени.

III. Скелеты на спине головой на север, покрытые настилом из бревен или жердей. Над настилами — остатки тризны: черепа овец и лошадей. Мужчинам на настил клали пару стремян. Из жертвенной пищи обнаружены зерна проса. Имеются остатки сложных луков тюркского или уйгурского типов и берестяных колчанов, украшенных резными костяными пластинами и наполненных трехлопастными стрелами с костяными свистульками. Обнаружены наборные пояса с бронзовыми пряжками и бляшками, остатки шерстяных и шелковых одежд, кожаной обуви и мужские кольчатые серьги из бронзы.

IV. Скелеты лежат головой на запад, вытянуто на спине или скорченно на боку. Они перекрыты настилом из жердей, досок или плит, и лежат на досках или в гробу; однажды — на лаковой подстилке. В качестве пищи — мясо овец и иногда жидкая пища в баночных сосудах. Однажды найдено стремя, а в богатом мужском погребении в ногах обнаружено седло с подпругой и стремянами и узда с удилами. С мужчинами клали трехлопастные стрелы, иногда лук уйгурского типа и берестяной колчан. От одежд — остатки шерстяных и шелковых тканей, железные пряжки от поясов. Из орудий труда: ножи, тесла, долото, игольники, вязальный крючок, пряслица из стенок сосудов в том числе из «кыргызской» вазы. Мужчины и женщины носили золотые и бронзовые серьги, пользовались гребнями и латунными зеркалами.

У одного из этих курганов стоял каменный столб с чикской тамгой и енисейской эпитафией о погребенном по имени Яш Ак баш. Ясно, что чики были тюркоязычны и имели в уйгурской период свою письменность на енисейском алфавите.

Рассмотрение инвентаря погребений всех трех групп местного населения свидетельствует об их одновременности и самостоятельности, хотя заметно сказывается известное уйгурское влияние. При уйгурах в Туве сооружались мужские каменные изваяния, связанные в своем происхождении с древнетюркскими, но сильно отличавшиеся от них. В VIII—IX вв. их устанавливали уже одиночно, без оградок и прочих сооружений. Они отличаются от ранних по ряду иконографических признаков. Хотя эти признаки совпадают с особенностями изваяний селенгинских уйгуров, однако поздние изваяния в Туве сооружались местными племенами так же, как им подобные изваяния на территориях Монголии, Казахстана и Киргизии.

В Туве в VIII—IX вв. продолжали проживать различные тюркоязычные племена: чики, восточные тюрки-тугу (позднее — тюлюши) и другие местные племена, прежде всего охотники дубо или туба. К ним прибавилась господствующая группа уйгуров. Уйгуры в то время делились на два подразделения: он-уйгуры и токуз-уйгуры. Основное ядро составляли он-уйгуры, которые назывались просто «он» (десять) или во множественном числе онлар

(ондар). Именно он-уйгуры поселились в Туве, ибо до сих пор среди тувинцев имеются группы с самоназванием ондар или ондар-уйгур, восходящие к он-уйгурам VIII—IX вв. Уйгурское происхождение имеет также родовая группа тувинцев, называемая сарыг или сарыглар, восходящая к племени сарыг-уйгуров. Вероятно, уйгурскими по происхождению являются тувинские группы куль и пайгара, имеющиеся также в составе современных уйгуров.

Уйгуры, таким образом, оставили значительный след в этногенезе тувинцев, что подтверждается анализом тувинского языка, входящего в уйгуро-огузскую группу тюркских языков. До недавнего времени соседние народы (дархаты, буряты и казахи) называли тувинцев уйгурами. Возможно с уйгурами в Туву проникло некоторое количество ираноязычных согдийцев.

В период уйгурского каганата в Туве продолжался процесс феодализации, ибо уйгуры вышли из недр тюркского государства и сохранили его экономический базис. Уйгурский каган, как верховный сюзерен, передал власть над захваченной страной своему наместнику-тутуку и наделил лучшими землями своих феодалов: ышбаров, тарханов и бегов.

По расположению крепостей видно, что уйгурские феодалы захватили плодородные и орошаемые земли в долинах Хемчика, Чадана, Ак-Суга и Енисея. Создание сильноукрепленного рубежа наложило известный отпечаток на характер феодального землевладения в этой стране. Хотя территория Тувы играла роль военно-оборонительного плацдарма, ее экономическое значение в составе каганата не ограничивалось только поставками рудного сырья и пушнины. Пограничные войска и другие уйгурские армии нуждались в хлебе и другом продовольствии. Производство хлеба и скота возлагалось на покоренные племена Тувы, закрепощение которых происходило в данном случае так, как указывал К. Маркс: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость»¹.

Крепости были ставками-усадьбами знатных уйгурских феодалов, которые возглавляли военные гарнизоны и были владельцами окружающих пахотных земель, обрабатывавшихся местными закрепощенными крестьянами, при участии рядовых военных поселенцев-уйгуров. В этих усадьбах, помимо жилых и производственных зданий, находились складские помещения для переработки и хранения различных продуктов и прежде всего товарного зерна.

Местные феодалы-беги (особенно тюркские) состояли на службе каганата и также получали земельные пожалования. Они имели военные дружины из соплеменников, которые сопутствова-

¹ К. Маркс. Формы предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 21.

ли бегам в военных походах и способствовали эксплуатации зависимого населения и рабов.

С 763 г. государственной религией уйгуров становится манихейство, заимствованное от согдийцев. Феодальная верхушка каганата придавала большое значение внедрению этой новой формы идеологического воздействия на массы. «Люди высшие действуют, низшие подражают» — вот какой формулой утверждает памятник, найденный в развалинах уйгурской столицы Орду-Балык, введение новой религии, содействующей прогрессу феодализма. Манихейство ревностно насаждалось уйгурами среди населения Тувы.

Важнейшими отраслями хозяйственной деятельности населения Тувы в уйгурский период были по-прежнему экстенсивное козоводство и земледелие. Основные средства производства — земля (пашни и пастбища) и скот находились в собственности на основе феодального права.

Земледелие было плужным с применением тягловой силы животных и искусственного орошения засушливых участков. Земледелием по преимуществу занимались оседлые жители городов, а скотоводством — большинство населения.

Ремесло уже отделилось от земледелия и скотоводства. В уйгурский период имелись специализированные металлурги и литейщики, кузнецы, гончары, оружейные мастера, ювелиры, каменотесы, строители, резчики и ткачи. Специализированные группы местного населения занимались горным делом. Добывались железная и медная руда, оловянный камень, золото и серебро. Нужды хозяйства рядовых скотоводов обслуживало домашнее производство. Горно-таежные оленеводы и охотники были основными поставщиками пушнины, которая шла в уплату дани уйгурам.

Уйгурские купцы вели торговлю со Средней Азией, Китаем и северными соседями, поставляя лошадей, скот, соболий мех и белую шерстяную ткань. В ответ получались цветастые шелка и другие предметы роскоши.

Хотя Тува была лишь окраиной государства, но основные черты уйгурской материальной культуры VIII—IX вв. вскрыты впервые здесь. Памятники говорят о самобытности цивилизации центрально-азиатских уйгуров. Они начали серьезно насаждать оседлую цивилизацию, со строительством городов-крепостей. К сооружению, градостроительная культура и городская жизнь не привились местному населению и города были почти заброшены с падением уйгурского каганата.

Уйгуры в период VIII—IX вв. имели письменность на том же орхонском алфавите, что и турки. В Туве до нас дошли лишь две каменные стелы с эпитафиями, написанные на енисейском алфавите и принадлежавшие чикам того времени. Очевидно, что местные тюркоязычные племена позаимствовали письменность не у тюрок или уйгуров, а у древних хакасов вместе с обычаями установок стел с эпитафиями. Письменность была достоянием знати и большинство населения продолжало оставаться неграмотным.

Девяностолетнее господство уйгуров в бассейне Верхнего Енисея, несмотря на гнет уйгурских феодалов, характеризовалось распространением здесь более высокой культуры, которая оказала значительное воздействие на материальную и духовную культуру племен Саяно — Алтайского нагорья, отразилось на развитии их языков и племенном составе.

*
* *
*

В следующей главе работы («Тува в древнехакасском государстве, IX—XII вв.») автор сначала исследует взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII вв. Анализ известных данных приводит к выводу, что местный термин «хакас» охватывал все население государства, включая кыргызов (гяньгуней). Кыргызы были аристократическим родом древних хакасов, немногочисленной руководящей группой древнехакасских феодалов, из состава которой выходили племенные беги, ханы и каганы. Термин «кыргыз» выступает в средневековых письменных источниках чаще не как этнический, а как политический термин. Факт возглавления государства аристократическим родом кыргыз приводил к тому, что все разноязычное, входившее в него население, некоторыми средневековыми авторами ошибочно называлось кыргызами.

Институт аристократического рода, его значение в истории племен и народностей Центральной Азии и Сибири, еще не исследованы в научной литературе. Однако, этот институт нельзя не учитывать при восстановлении исторического прошлого той или иной области. Как указывал К. Маркс: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее раздвигающееся от смешения победителей с покоренными племенами»¹.

Без понимания этого положения К. Маркса невозможно воссоздать историю развития классового общества и государства в Центральной Азии и Сибири, невозможно раскрыть особенности социально-экономических отношений общества и его политической структуры.

Кыргыз есть древний династийный род средневековых хакасов, составлявший правящий «эль». Неверно называть государство по имени династийного рода, а не по самоназванию большинства составлявшего его трудового населения. Поэтому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов.

Вражда древних хакасов с уйгурами закончилась разгромом уйгурского каганата и освобождением территории Тувы в 840 г.

¹ К. Маркс. Формы предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 12.

К 847 г. уйгурская власть была ликвидирована по всей Центральной Азии, но хакасы не стремились перенести туда центр своего государства. В районах современной центральной и восточной Монголии продолжали жить уйгуры, потомки тюрок-тугю и другие племена, которые только в 840—860 гг. были подведомственны управлению хакасской администрации, а затем были предоставлены сами себе.

Древние хакасы находились в дружественных связях с Тибетом, Китаем, карлуками Семиречья и с арабами Средней Азии. В их государство в IX—XII вв. входили территории Хакасско-Минусинской котловины, Алтая, Тувы и современной северо-западной Монголии. Лишь в IX—X вв., преследуя убежавших уйгуров, хакасские войска захватили часть Джунгарии и Восточного Туркестана вплоть до Кашгара, но к началу X в. вернулись на север.

Ставка кагана хакасов в 840 г. разместилась по южную сторону хребта Танну-Ола, вероятно на р. Тес-Хем. В начале X в. каган жил в городе Кемиджкет на Улуг-Хеме в Туве, а в середине X в. ставка была перенесена в Хакасию на место слияния рек Белого и Черного Июсов. В начале X в. хакасы установили дружеские отношения с киданями, западная граница государства которых прошла тогда по р. Орхону. В середине XII в. продвигавшиеся с востока найманы вытеснили хакасов из северо-западной Монголии, но Тува входила в древнехакасское государство вплоть до монгольского завоевания в начале XIII в.

Археологические исследования выявили на территории Тувы погребения IX—XII вв. Одни из них принадлежат группе местных племен, другие — переселившимся сюда хакасам. С хакасами в Туве появился, не свойственный населению этой страны, древнехакасский обряд трупосожжений. Древнехакасские погребения IX—XII вв. известны не только в Хакасско-Минусинской котловине и Туве, но и на Алтае, в Джунгарии и Монголии.

Древнехакасские курганы разделяются на памятники IX—X и XI—XII вв. В IX—X вв. это юртообразные сооружения из плит или насыпи из обломков скалы. Трупосожжения находятся в ямах или на горизонте. Встречаются ямки для пищи (с костями овец, коров и лошадей или с сосудами) и тайники с вещами. Погребения под насыпями окружены «оградками» из мелких плиток. Сосуды — баночные, лепные на подставке, и обломки «кыргызских» ваз, сделанных на круге. Встречены лаковые, фарфоровые и серебряные чашки, кружки, блюда и кувшины, а так же котлы, сковородки и черпаки из железа и меди.

Так как на погребальный костер клали седло и узду, то в курганах находятся стремена, части седла, сердцевидные бляхи сбруи, удила и псалии, а так же — бронзовые орнаментированные бляшки от уздечных наборов. Останки воинов сжигались одетыми в панцири, с боевыми луками и колчанами, иногда с мечами, саблями, кинжалами и копьями.

Из орудий труда найдены: жернова ручных мельниц, кося — горбуша, топор, тесла, долота, бруски, ножи, шилья, напильники, пружинные ножницы, пряслица, иголки и т. п. В особых сумочках носили огнива. Сохранились обрывки шерстяных тканей и шелка, а также бронзовые, золотые и железные бляшки наборных поясов; серьги и перстни из золота и бронзы, пинцеты, зеркала, монеты и т. п.

У 13 раскопанных древнехакасских курганов IX—X вв. с юго-восточной стороны стояли каменные стелы с эпитафиями на енисейской письменности, что доказало их древнехакасское происхождение.

К IX—X вв. относятся и некоторые тюркские погребения с лошадьми. Подобные известны на Алтае и в Хакасии, которые тогда были объединены с Тувой в одно государство. Известно, что потомки тюркок-туго сохраняли свое этническое имя до середины X в. В Туве обнаружены пока только тюркские курганы-кенотафы IX—X вв., в которых погребение лошади головой на север не сопровождалось погребением человека, погибшего на чужбине или утонувшего.

Останки человека заменяла погребальная кукла из войлока и шелка. Куклы опоясаны наборным поясом и окружены теми же предметами, что вкапывались в могилы воинов.

Лошади не вьнузданы. В головах их лежат остатки седел со стременами и пряжками и удила от узд. Для духа умершего ставилась жертвенная пища: баранина на деревянном блюде и питье в кружке из серебристого сплава. Здесь же — остатки луков и берестяных колчанов со стрелами (с трехлопастными, плоскими и трехгранно-трехлопастными наконечниками и костяными свистульками), панцирные пластинки и ножи. Наборные пояса украшены бронзовыми и золотыми бляшками. Найдена монета, совершенно аналогичная монетам из хакасских курганов.

Поздние древнехакасские курганы XI—XII вв. содержат трупосожжения на горизонте с остатками мясной пищи (кости овец и лошадей). Наборы предметов отличаются от инвентарей IX—X вв. Это принадлежности конского снаряжения и вооружения. Встречаются железные обивки, пробои, оковки и кольца от седел, лировидные пряжки подпруг и украшения сбруи, стремена, железные уздечные бляшки и т. п. Большинство этих предметов инкрустировано серебряными узорами.

Сохраняются фрагменты костяных накладок луков и колчанов, наконечники стрел новых типов (плоских ассиметрично-ромбических, лопаточкообразных, граненых и трехлопастных). С юго-восточной стороны насыпи кургана № 1 у пос. Малиновки обнаружена наиболее поздняя стела с древнехакасской эпитафией.

Памятники местных племен IX—XII вв. отличаются от древнехакасских и от синхронных тюркских. Под каменными насыпями в ямах находят одиночные захоронения людей головой на юго-запад. 80% скелетов, по старой местной традиции, лежат скорчен-

но на правом боку. Эта группа связывается с чикскими памятниками уйгурского времени. С погребенными клали мясо овцы и нож. Вместо глиняной посуды ставили железные и оловянные чашечки и кубки. Иногда — седла со стремянами и удила с большими витыми кольцами. Изредка находятся сложные луки и берестяные колчаны со стрелами, накопечники которых характерны для IX—XII вв.

Встречены серьги, кольца и бусы, а также наборный пояс с оловянными бляшками. Из орудий труда обнаружены: трехзубая острога, ножи, напильники и роговые орудия.

Как видим, различные этнические группы населения Тувы в IX—XII вв. продолжали сохранять этнографически присущие им черты обряда и особые формы своей материальной культуры.

Основой хозяйственной деятельности населения древнехакасского государства было занятие земледелием и скотоводством. Земледелие у хакасов было очень высоко развито и этим они выделялись среди народов Центральной Азии и Сибири. Они широко применяли искусственное орошение, сложные плуги, сохи, косы, серпы, а также ручные и водяные мельницы. Сеяли и употребляли в пищу: пшеницу, ячмень, рожь, просо, овес, коноплю. Крестьяне-земледельцы жили оседло в селениях из деревянных изб. На пахоте и жатве работали преимущественно мужчины.

Скотоводство оседлой части населения было пастушеским со стойловым содержанием скота и заготовкой на зиму сена. Наиболее богатыми скотоводами были феодалы — владельцы больших земельных наделов. В составе их стад преобладали коровы. Скотоводство в некоторой части было уже интенсивным, ибо выводились разные породы лошадей.

Разделение труда между земледельцами и скотоводами было значительным. По засушливым участкам степей и горам размещались полукочевые скотоводческие хозяйства, разводящие мелкий рогатый скот и верблюдов. Высшая феодальная верхушка вела полукочевой образ жизни, переходя с зимников на летники. Для ухода за многочисленным скотом знать использовала принудительный труд зависимых скотоводов-кыштымов и рабов. Земледельческие продукты знать получала эксплуатируя труд закрепощенных крестьян, живших в оседлых селениях.

Земледельческая традиция, существовавшая у местных племен Тувы, получила в этот период значительное развитие. Но большая часть населения по-прежнему была занята экстенсивным кочевым скотоводством, а в горно-таежной зоне — охотой, рыболовством и оленеводством. Кыштымы древнехакасской знати платили подати соболями и белкой.

Ремесла составляли важную по экономическому значению отрасль хозяйства. Специализированные группы рудокопов добывали железо, медь, золото, олово, серебро и драгоценные камни. В металлургии использовалось и метеоритное железо. Искусные кузнецы изготавливали отменное стальное оружие, панцири, шлемы и

многое другое (от земледельческих орудий до предметов конского снаряжения и быта). Работали ювелиры и гончары, строители, плотники, шорники, каменотесы, художники — резчики по камню, кости и дереву. Имелась особая категория грамотных резчиков надписей.

Государство вело оживленную торговлю с соседями, а также со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Тибетом и Китаем. Вывозился мускус, пушнина, древесина березы, ископаемые кости мамонта, прекрасные скакуны, оружие и товарное зерно. Ввозились шелковые и шерстяные ткани, серебряная посуда, фарфор, зеркала, монеты, земледельческие орудия и т. п.

Присоединение Тувы к государству древних хакасов дало толчок развитию местной экономики и видоизменению общественных отношений. У древних хакасов существовало государственное и частное землепользование. В государственные земли входили, кроме пастбищ и пашен правящего рода, все горно-таежное пространство, а также захваченные и присоединенные земли. Закабаленное население этих земель платило натуральный налог, несло воинскую повинность и другие платежи.

Населением Тувы древнехакаские феодалы управляли уже на началах «кыштымства». Земли степных районов верховий Енисея были разделены на шесть багов, то есть на шесть крупных феодальных уделов. Каждый баг был передан каганом во владение семье одного из военачальников-бегов. Владение багом было наследственным. Собственники багов опирались на военные дружины и феодальную знать местных племен.

Наместником кагана был владелец одного из багов. Таким образом, страна была разделена по удельно-территориальному принципу и в баг входили смешанные родоплеменные группы. Ясно, что основой феодальных отношений была феодальная собственность на землю, как на главное средство производства.

Постепенно развиваются центробежные силы, и удельные беги стараются обособиться. В XI—XII вв. древнехакаское государство все более втягивается в полосу феодальной раздробленности и к началу XIII в. Тува являлась уже обособившимся древнехакасским княжеством.

В IX—XII вв. в Туве жили родоплеменные группы, говорившие на тюркоязычных диалектах и наречиях. Это потомки чиков, телэ (телек) и другие племена, которые в то время назывались кыштымами. О них аноним X в. сообщает: «Они являются племенем отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков». Здесь же жили потомки тюрков-туго (позднее-тюлюши) и он-уйгуров (ондар-уйгур, сарыглар, куль и пайгара). В горной тайге обитали потомки дубо, которые в монголоязычном оформлении назывались туматы или тумасы.

После 840 г. происходит переселение в Туву древних хакасов, во главе которых стояли феодалы из рода кыргыз. Основные груп-

пы древних хакасов сохранились в составе тувинцев: кыргыз, хаазут и др. Самоназвание хаазут есть стяженная форма от «хакас», оформленная аффиксом монгольского множественного числа (хаас + ут; ср. тюркское оформление «хаастар» — самоназвание качинцев). По данным источников, древние хакасы имели смешанный антропологический состав. Среди них, наряду с рыжеволосыми и голубоглазыми потомками европеоидов, были черноволосые и кареглазые люди.

Многие данные свидетельствуют о высоком уровне хозяйственного и культурного развития населения Древнехакасского государства. Самобытная письменность просуществовала здесь до монгольского завоевания в XIII в. Очевидно, что существовали школы и литература, в том числе переводная. Существовал самобытный календарь. Наиболее образованные люди знали иностранные языки и обучались за границей. В религиозном отношении население было шаманистским. Лишь в IX—X вв. часть знати на короткий срок приняла манихейство. В Туве манихейство было в какой-то степени распространено от середины VIII до начала X в. Затем в середине X в. вновь победил шаманизм.

Источники сообщают о народных музыкальных инструментах, о цирковых представлениях, о судоходстве и паромов для переправы через Енисей. Широкие торговые, посольские и культурные связи знакомили население с культурой запада и востока. На Енисей приезжали не только купцы и послы разных стран, но и ученые. Например, согласно их сообщениям, здесь побывали географ Абу-Дулаф (X в.) и лингвист-тюрколог Махмуд Кашгарский (XI в.), описавшие страну и языки населения.

Слава о древнехакасском государстве в эпоху расцвета породила даже идеализацию его со стороны некоторых крупнейших деятелей культуры средневекового Востока. Так, великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви (XII в.) воспел благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья.

360 лет народы Саяно-Алтайского нагорья входили в древнехакасское государство. Высокий уровень экономики и расцвет культуры в IX—XII вв. являлись достижением всех этнических групп Саяно-Алтая, являвшихся предками современных тувинцев, хакасов, алтайцев, тофаларов и шорцев. Многие факты, указывающие на родственные связи современных народов Саяно-Алтая в области языка, культуры и главным образом в вопросах их происхождения, восходят к этому времени.

Результатом перемешивания населения внутри одного государства явились одноименные родовые группы современных народов Саяно-Алтая. Так появились общие роды современных хакасов и тувинцев: кыргыз, сарыг, хаас (хаазут), иргит, туба и чода (чооду) и др.; алтайцев и тувинцев: куу, тюлюш (телес), иргит, чооду, сарыг и т. д.

Период вхождения Тувы в состав древнехакасского государства оставил значительный след в истории тувинского народа. Этот период важен тем, что именно тогда возникли глубокие родственные, культурные и дружественные связи современных народов Саяно-Алтая.

В последней главе работы изложена история населения Тувы в монгольский период (XIII—XV вв.). С середины XII в. на всей территории современной Монголии господствовали уже монголоязычные племена и граница размежевания тюрков и монголов стала такой же, как в настоящее время. Монголоязычные найманы жили по южную сторону Танну-Ола, а ойраты расселялись уже по восточным окраинам Тувинской котловины. Однако в западной Монголии и Джунгарии оставалось значительное количество тюркоязычного населения.

В 1205 г. Тэмучин, разгромив найманов, завершил покорение населения этих районов, а в 1206 г. он был провозглашен Чингисханом. Грозная монгольская опасность уже нависла над многими странами Европы и Азии... Первыми с этой опасностью встретились соседние тюркоязычные племена, входившие прежде в государство древних хакасов. Федерация древнехакасских княжеств была совсем слабой. Погибло южное княжество и обособился Алтай. В конце XII — начале XIII в., по Рашид-ад-дину, княжества Хакасия (монголами названа «Киргиз») и Кешдим (Тува, монголами названа «Кэм-Кэмджиут» по рекам Кем и Кемчик) хотя и «составляли одно владение», под эгидой древнехакасского рода кыргызы, но каждое из них имело своего «государя» — инала.

В 1207 г. монгольская армия под командованием Джучи завоевала Саяно-Алтайское нагорье. Так начался монгольский период в истории Тувы. Население попало под жестокое иго монгольских феодалов. Монгольские правители стремились выжать из завоеванных племен все, что могло способствовать их войскам совершать грабительские походы в богатые цивилизованные страны. На протяжении всего XIII в. постоянно вспыхивали непрерывные восстания свободолюбивых племен Саяно-Алтая.

В 1218 г. Джучи-хану фактически пришлось повторно завоевывать Саяно-Алтайское нагорье. После смерти Джучи в 1227 г., Саяно-Алтай, находившийся 20 лет в его улусе, отошел во владение Тулуя и его потомков. В 1264 г. этот район вошел во владения монгольской династии Юань (1260—1368 гг.), которую основал хан Хубилай. Бассейн верхнего и среднего течения Енисея получил административные деления с учетом сложившихся районов. В Туве были выделены: 1) область Ханьхэна (современная Тоджа); 2) Кяньчжоу («Енисейский округ» по среднему течению Улуг-Хема); 3) Иланьчжоу («Змеиный округ» — земли бассейнов Элегеста и Межегея).

В 1270 г. император Хубилай назначил своего правителя — наместника над Хакаско-Минусинской котловиной и Тувой с резиденцией в Иланьчжоу в главном городе на р. Элегесте, руины которого открыты нами и названы Межегейским городищем. Но в 1273 г. произошло большое восстание местных племен, которые, пользуясь междоусобицами монгольских ханов, сумели в течение 20 лет быть свободными от монгольского ига.

В 1293 г. по приказу Хубилая двадцатилетнее самовластие кыргызских князей было потоплено в крови карательной армией Тутухи. Оккупировав страну, юаньские власти стали высылать группы «мятежников» в чужие земли и насаждать на их место военных поселенцев. В 1293 и 1295 гг. из Хакаско-Минусинской котловины, Тувы и Алтая большие группы свободолюбивых местных жителей были высланы в Дунбэй и Шаньдун.

При хане Тэмуре (1295—1307 гг.) Тува входила в ту же провинцию с центром в г. Каракоруме, которой управлял брат хана Камала. С падением юаньской династии, в конце XIV и начале XV в. местное население Саяно-Алтая было предоставлено своей воле, а во второй половине XV в. Тува, по-видимому, попала под власть западных монголов.

В следующем разделе работы изложена история древнемонгольских городов, исследованных нами в Туве, и являвшихся производственной и сырьевой базой империи. Уже при Чингис-хане монгольские завоеватели стали проводить политику насильственной колонизации бассейна Верхнего Енисея, создавая ремесленно-хлебопашеские поселения. В них поселяли захваченных в плен жителей Северного Китая, особенно ремесленников. Первые сведения о них относятся к 1220 г. Так была создана база для снабжения хлебом, оружием и ремесленными изделиями монгольских армий, ведущих завоевательные походы. Появились не только поселения, но и города, а также фактории мусульманских купцов, просуществовавшие в Туве до конца XIV в.

В 1956—1962 гг. нами открыты и исследованы в центральной Туве остатки шести городов и двух поселений. Это неимеющие стен городища: Дён-Терек (30 га), Оймак (40 га), Межегейское (42 га), Могойское (11 га), Элегестское (37,5 га), Эртине-Булакское (44 га), земледельческий хутор близ Сосновки и шахтерский поселок на Межегейских угольных шахтах. Большинство раскопанных архитектурных сооружений (жилые, административные и храмовые здания, пагоды) были построены по строительным канонам эпохи Сун и Юань, характерным для градостроительной культуры городов Монгольской империи. Но здесь же имеются здания, построенные местными и среднеазиатскими строителями.

Все города и поселения расположены в древних округах Кяньчжоу и Иланьчжоу. Были созданы склады и зернохранилища, устроены почтовые станции. Многочисленные буддийские храмы, часовни и пагоды свидетельствуют, что в XIII—XIV вв. буддизм впервые получил распространение в Туве. Жители городов вели

поиски и разработку местных полезных ископаемых и строительных материалов: коксующегося каменного угля, железной руды, соли, гипса, песчаников, золота, серебра и т. п.

Города были центрами квалифицированного ремесла. Металлургии не только получали железо, но уже выплавляли чугун в небольших домницах. Кузнецы изготавливали самые разнообразные изделия главным образом оружие и земледельческие орудия. Гончары применяли ножной круг и изготавливали разнообразную посуду. В широком ходу были также привозные глазурованные сосуды, селадоновая, фарфоровая и стеклянная посуда. Каменотесы высекали жернова, статуи, базы колонн, буддийские ниши в скалах и т. п. Ткачи ткали шелка, флёр, парчу и шерстяные ткани.

Часть жителей городов, особенно из числа местного населения, занималась земледелием, производя товарное зерно. Сеяли пшеницу, ячмень, просо, коноплю и другие культуры. Продолжала эксплуатироваться вся оросительная сеть, созданная в Туве в эпоху древнехакасского государства. Для расчистки каналов применяли кетмени, пахали сложными плугами с чугунными лемехами и отвалами, жали серпами. Жители поселений держали домашний скот. Они впервые завезли в Туву домашнюю свинью.

У населения городов в обращении находились медные монеты, выпущенные в 1178—1189 гг. и бывшие в ходу у монголов.

Таким образом, жители городов и поселений производили в значительном количестве различные материальные блага, являющиеся как продуктами разнообразного мастерства, так и продуктами интенсивного земледелия. Однако всем этим пользовались монгольские феодалы, вывозившие хлеб, оружие и ремесленные изделия в Монголию для материального обеспечения новых завоевательных походов монгольских войск и для удовлетворения потребностей крупных феодалов.

Период XIII—XIV вв. был периодом развития городов и поселений, вызванных к жизни административными мерами монгольских властей, периодом подневольного развития ремесла, земледелия и торговли. Это необходимо учитывать при изучении сложных процессов развития феодальных отношений в Монгольской империи и у населения Тувы в средневековую эпоху. С падением юаньской династии города перестали играть отводившуюся им роль, ремесленники и военные поселенцы уехали на родину и постепенно города запустели и разрушились. Этому способствовало изменение торговых путей, уменьшение потребностей в изделиях высоко квалифицированного ремесла, усиление роли скотоводства по сравнению с земледелием.

Археологические памятники XIII—XV вв. разнообразны и типы погребальных сооружений отчетливо выявляют различные этнические группы.

I. Возле двух городов обнаружены кладбища с каменными статуями монгольских чиновников, львов и баранов. При раскопках найдены обломки обелиска с иероглифами и подбойная грун-

товая могила-кенотаф с сосудом и принадлежностями женского туалета.

II. Мусульманские подбойные могилы, отмеченные каменными оградками, исследованы на кладбище торговой фактории Саадак-Терек на р. Хемчике и на кладбище вокруг мечети в мусульманском квартале Элегестского городища. Захоронены европеоиды без вещей. Небольшая группа мусульман-торговцев была сравнительно изолированной от местного населения и ислам не получил распространения на Енисее.

III. На Межегейском городище обнаружено хакасское кладбище XIII—XIV вв. с трупосожжениями и небольшим инвентарем, являющееся свидетельством проживания какой-то части средневековых хакасов в древнемонгольских городах Тувы. IV. Кочевнические погребения по обряду трупоположения с конем свидетельствуют о сохранении потомков тюрков и в эту эпоху. V. Одиночные трупоположения на горизонте — новый обряд для Тувы, очевидно связанный с появлением монгольского населения. VI. Одиночные погребения в ямах со стременими XIV—XV вв. принадлежат местным жителям.

Население Тувы в XIII—XV вв. было пестрым по национальному составу и религиозной принадлежности, и культура его была синкретичной. Основными ее элементами были: культура горожан и культура местных кочевников. Тюркоязычные кочевники по-прежнему занимались скотоводством, платили подати скотом и выполняли различные повинности монгольским феодалам. Они еще сильно отличались по физическому типу от современных тувинцев. Монголизация населения продолжалась, т. к. в процесс этногенеза включились монголоязычные переселенцы, подвергнувшиеся постепенному отюречиванию.

Далее в работе подробно изучены все термины, применявшиеся в качестве названий для групп местного населения в письменных источниках. Выявлены политические и собирательные географические названия, произведено их отождествление с этническими группами. Тува была населена в этот период времени разноразличным конгломератом этнических групп, называвшихся по родовым или племенным прозвищам. При всем том, именно в XIII—XV вв. была заложена основа для возникновения племенного состава и физического типа современных тувинцев.

Монгольское завоевание резко оборвало закономерное поступательное развитие исторического процесса среди племени, населявших Саяно-Алтайское нагорье. Оно разрушило самобытную государственную организацию, прервало консолидацию местных племен в единую народность, привело к разрушению производительных сил и массовому истреблению местного населения.

Неоднократный и безжалостный военный разгром, физическое уничтожение больших масс населения, высылка «бунтовщиков» в чужие земли — все это губительно сказалось на высокой культуре населения бывшего государства средневековых хакасов. Саяно-

алтайские племена были отброшены назад в своем развитии и после падения империи монголов местное население было сильно ослаблено, переживало глубокий экономический и культурный упадок, исторические связи между племенами и внешние культурные взаимоотношения оказались разорванными. В XV в. на Саяно-Алтайском нагорье сохранились лишь разрозненные мелкие феодальные улусы.

*
* *

В заключение автор счел необходимым остановиться на двух взаимосвязанных вопросах, содержание которых вытекает из раскрытой нами истории населения Тувы в средневековый период. Прежде всего, необходимо затронуть проблему происхождения современных тувинцев, т. е. рассмотреть вопрос об их этническом взаимоотношении со средневековым населением.

Тувинская культура в присущем ей этнографическом комплексе появляется в XVI в. Однако разнообразие типов тувинского погребального обряда XVI—XVII вв. свидетельствует о незавершенном процессе консолидации различных этнических групп, составивших тувинский народ. Очевидно, тувинцы начинают складываться в народность на рубеже XV—XVI вв. и их монголоидный физический тип оформился к XVIII в. Но материалов XV—XVI вв. сейчас известно так мало, что вопрос о происхождении тувинцев в целом должен быть решен в будущем.

Однако имеются основания наметить реальные этногенетические линии, связывающие тувинцев с их отдаленными предками. Сравнение палеоэтнографических особенностей средневековых погребальных памятников выявляет, что типы тувинских погребальных сооружений XVI—XVII вв. и детали их обряда вполне сопоставимы с предшествующими. В погребальных сооружениях и обряде тувинцы сохранили особенности тех этнических групп, которые образовали этот народ. Основу его составили: 1) древние местные тюркоязычные племена, восходящие ко времени шурмакской культуры (II в. до н. э. — V в. н. э.), в основном чики и их потомки (погребения в ямах и впускные без коней); 2) тюрки-тугу, поселившиеся в Туве с VI в. (погребения в ямах и впускные с лошадьми).

Затем с середины VIII в. появились уйгуры и с середины IX в. — древние хакасы (хоронившие по обряду трупосожжения), отувилившиеся потомки которых в XVI—XVII вв. еще сохраняли обособлявший их обряд трупосожжений. С XIII в. в этот процесс включаются монголоязычные племена (курганы с трупоположением на горизонте). Такова схема, построенная на археологических данных, которая в основном совпадает с представлениями об этногенезе тувинцев, полученными при изучении письменных источников.

Подобно тому, как отдельные родоплеменные группы тувинцев сохранили до XVIII в. в погребальном обряде издревле присущие им особенности, также сохранили они свои древние родовые имена. Древнейшими будут тувинские группы тюлюш и телек, а также тумат, восходящие к древним тюркам-тугю, племенам телэ и к дубо VI—VIII вв. К уйгурам VIII—IX вв., сохранявшим свое имя еще в XIII—XIV вв., восходят тувинские группы: ондар, уйгур (ондар-уйгур), сарыглар, куль и пайгара. Из древних хакасов IX—XII вв. вышли тувинские группы: кыргыз, хаазут и, вероятно, иргит. Из состава монгольских племен XIII—XV вв. вышли тувинские группы, сохранившие монгольские имена: моол-донгак, монгуш, салчак, эльджиген и баяут. К этому же времени восходит тувинский род урат.

Сопоставление археологических и письменных источников с родоплеменным составом позволяет заключить, что тувинский народ имеет местное происхождение. В результате длительного исторического пути его основу составили тюркоязычные племена, в которые затем влились монголоязычные группы, подвергнувшиеся отюречиванию, но способствовавшие сложению центральноазиатского монголоидного физического типа современных тувинцев.

Еще Н. Ф. Катановым было доказано, что язык и родоплеменной состав тувинцев наиболее близки и родственны их тюркоязычным соседям: хакасам, тофаларам, части алтайцев. В современных классификациях тюркских языков тувинский, хакаский, тофаларский и северо-алтайские языки также относят к одной «уйгурской группе» восточной ветви тюркских языков (Н. А. Баскаков) или же к одной группе «древних тюркских языков» (С. Е. Малов).

Это языковое родство, как выясняется в результате проделанного нами исследования по этническому составу населения Тувы за тысячу лет средневековья, сложилось исторически закономерно. Оно подтверждает родственную близость современных народов Саяно-Алтайского нагорья, выразившуюся в наличии в их составе одноименных подразделений или так называемых родов (костей). Общими для современных хакасов и тувинцев являются подразделения: кыргыз, сарыг, хаас (хаасут), иргит, чода (чооду), саин (соян) и др.; у тувинцев и алтайцев: куу, тюлюш (тёлёс), иргит, соян, сарыг, чооду, телек (теленгет), кыргыз, тумат, тюрбет (тербет), хобалык, тодут (тодош) и др.; у тувинцев и тофаларов: чогду, хара-чогду.

Наконец, имеется и общее самоназвание — Туба, известное у тувинцев (тува, тыва, туха), тофаларов (туба, тофа, туха), черных алтайцев — тубаларов и у хакаского рода туба.

Древние соседские культурные связи, усиленные периодическими взаимными передвижениями отдельных групп населения в средневековый период, а также общие исторические судьбы населения всего Саяно-Алтайского нагорья, входившего в IX—XIV вв. в одни и те же государственные образования (древнехакаское государство и монгольская империя) — таковы исторические факто-

ры возникновения глубоких родственных, языковых и культурно-бытовых взаимосвязей современных народов Южной Сибири.

История, таким образом, наглядно показывает, как с глубокой древности возникали и укреплялись родство, братство и дружба между народами нашей многонациональной Родины, объединившимися в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в единое государство победившего социализма.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ АВТОРА ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ТУВЫ.

1. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). «Вестник Московского университета», историко-филологическая серия, 1958, № 4.
2. Письмо в редакцию. «Советская этнография», 1958, № 1.
3. Средневековые города Тувы. «Советская археология», 1959, № 3.
4. О связях киргизов Енисея и Тянь-шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа). «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959.
5. К вопросу об этногенезе хакасов. «Ученые записки Хакаского НИИЯЛИ», вып. VII, Абакан, 1959.
6. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). «Вестник Московского университета», серия IX, исторические науки, 1960, № 1.
7. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VIII, Кызыл, 1960.
8. Новая датировка памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1960, № 3.
9. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Ученые записки Хакаского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960.
10. Рецензия на: «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР», т. I, М.—Л., 1960. в «Советской этнографии», 1961, № 4.
11. Начало сибирской археологии. «Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности». Издательство Московского университета, 1962.
12. Памятник мусульманского средневековья в Туве. «Советская археология», 1963, № 2.
13. Рецензия на: А. Д. Грач. «Древнетюркские изваяния Тувы». М., Изд-во Вост. лит-ры, 1961 в «Советской археологии», 1964, № 1.
14. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. «Советская археология», 1964, № 2.
15. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). «Вестник Московского университета», серия IX, история, 1964, № 4.
16. Курганы тувинцев. «Вестник Московского университета», серия IX, история, 1964, № 5.
17. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «История Тувы», т. I, М., «Наука», 1964, стр. 117—137.
18. Тува в составе государства древних кыргызов (IX—XII вв.). «История Тувы», т. I, М., «Наука», 1964, стр. 138—164.
19. Хозяйство, культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв. «История Тувы», т. I, М., «Наука», 1964, стр. 184—197.
20. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964.
21. Культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964.
22. Городище Дён-Терек. «Древнемонгольские города». М., 1965.

23. Новый памятник енисейской письменности. «Советская этнография», 1965, № 2.
24. Краткая история археологического изучения Тувы. «Вестник Московского университета», серия IX, история, 1965, № 3.
25. О датировке памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1965, № 3.
26. По поводу одного ответа. «Советская археология», 1965, № 4.
27. Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XI, Абакан, 1965.

Сдано в набор 29/III — 66 г.
Л-45320 Зак. 324

Подписано к печати 26/IV — 66 г.
Печ. л. 2,0 Тираж 300 экз.

Типография Изд-ва МГУ (филиал), Москва, проспект Маркса, 20.

